

А.В. Торкунов о высшем образовании в современном мире

Наши университеты

На что стоит делать ставку в сфере образования?

Современный мир становится все более многообразным. Индустриальная эпоха XX века уходит в прошлое, ей на смену приходит эпоха глобальной информационной революции и принципиально иной информационной открытости. Стратегическим ресурсом XXI века становятся знания и умение человека пользоваться этими знаниями. Поэтому, пожалуй, самым значимым социальным аспектом глобализации стало расширение возможностей для раскрытия человеческого потенциала.

Мы больше не можем создавать закрытые системы и модели, будь то политика, экономика, культура, наука или образование. Доступ к образованию приобретает важнейшее значение для развития мира. Не случайно уровень образования является одним из базовых показателей для расчета т. н. "индекса человеческого развития", составляемого ООН. Поскольку мы признаем, что без образования невозможно стабильное развитие мира, то отсутствие инноваций в образовании представляет собой реальную угрозу стагнации той или иной страны, региона. В этой ситуации современный университет как бы впускает в себя весь мир, распространяя его импульсы в сердцах и умах своих выпускников.

Именно поэтому университеты призваны не только формировать академические знания и профессиональные практические навыки, но и выполнять функцию общественных и моральных ориентиров.

В условиях возрастающего потока информации главным признаком профессионализма и гражданской ответственности становится умение делать "информированный выбор", уметь отличать интеллектуальное манипулирование от истинного знания.

Другим, качественно новым фактором современного образования является возможность мониторинга, оценки и сравнения образовательных систем разных университетов и стран. Поэтому любое государство, заинтересованное в том, чтобы его потенциальные абитуриенты не уезжали за рубеж, а иностранцы приезжали в его университеты, должно ставить во главу угла задачу соответствия национальной образовательной системы мировым стандартам.

Совершенно очевидно, что национальное образование по большому счету является стратегическим ресурсом любого развитого государства XXI века, позволяющим предотвращать вызовы экономике, безопасности, да и самой идентичности страны. В этой сфере России вполне по силам закрепить свой статус конкурентоспособной мировой державы и обеспечить качественный прорыв. Основой такого прорыва может быть конструктивное партнерство власти, общества и высшей школы.

Действительно, сейчас в образовании сохраняется "клуб великих держав", имеющих собственные, национальные модели образования, и целый ряд претендентов, стремящихся в этот клуб попасть. Очевидно, что Россия свой статус в этом клубе унаследовала от бывшего СССР по праву. Вместе с тем новички проявляют явную тенденцию к вытеснению старых "грандов". Кто еще два-три десятилетия назад всерьез воспринимал

образовательный потенциал Австралии или Кореи?

Советская модель образования со всеми своими достоинствами (которых немало) и недостатками не может нами воспроизводиться бесконечно.

Европейская модель образования, когда-то одна из лучших, дает очевидные социальные сбои, производя огромное количество выпускников, которые не находят себя на рынке труда. Вспомните последние выступления студенческой молодежи в Париже, которые в местной прессе получили название "бунты молодежных иждивенцев". Американская же модель во многом существует за счет постоянного притока иммигрантов и студентов из других стран. Европейский и американский опыты крайне важны для нас, но они показывают, что, несмотря на очевидные достижения западного образования, нам далеко не всегда следует слепо копировать чужие образцы. Механически заимствуя лишь внешние формы и нормы западных образовательных систем, можно очень быстро получить весьма своеобразное поколение выпускников, готовых работать в Европе или США, но на вторых ролях. Задача, как представляется, состоит в выстраивании такой системы образования, которая бы шла впереди мирового развития и определяла бы его направления.

Следовало бы, видимо, задуматься о выработке стратегии образовательной сверхдержавы.

Кто должен быть автором всех этих изменений? Министерство образования и науки сегодня реализует трудоемкую работу, пытаясь осилить неподъемный груз образовательной реформы. Это вызывает уважение и одновременно понимание того, что такую работу должны делать не только люди из министерства. Важно, чтобы работали внутренние механизмы образовательного сообщества. Революция сверху может принести эффект - но не поддержанная снизу, изнутри образования, быстро заглохнет. К сожалению, общественных механизмов саморегулирования и саморазвития системы образования нам как раз не хватает. Мы мечемся между попытками все зарегулировать или вообще отказаться от регулирования. Думается, что политика министерства может и должна в большей степени ориентироваться на сотрудничество с ведущими вузами. Именно они обладают большим и недостаточно используемым государством ресурсом экспертно-аналитической деятельности и возможностями для создания эффективных "сетевых структур" управления.

Наконец, нам нужно понять, как мы можем обеспечить действительную системность изменений, сделать так, чтобы данный сегодня импульс не затух через 5-10 лет.

Для создания образовательной стратегии опережающего развития у нас есть объективные возможности: мощный интеллектуальный потенциал, опыт и традиции национальной высшей школы, относительно неплохая материальная база. Однако есть и немало факторов, препятствующих этому. Среди последних я бы назвал миф российской самодостаточности, который может привести к идее построения в современных условиях "закрытой" образовательной модели. Даже если предположить, что такая политика даст определенные тактические преимущества, в стратегической перспективе этот путь ведет к однозначному проигрышу. Сегодня все наиболее перспективные образовательные модели основаны на совместной работе в проектах на основе взаимно признанных норм и правил. Изоляционизм по большому счету основан на предположении, что мы не способны играть по мировым правилам, так же, как и не способны участвовать в создании новых правил. Это не так. Российское образование вполне способно повторить волну международной экспансии российских энергетиков и металлургов. Такая экспансия, заметим, десять лет назад тоже представлялась чистой фантастикой.

Так какая же стратегия выигрышна и возможна? На что стоит делать ставку в сфере образования?

Поднять и изменить всю систему разом, очевидно, невозможно. Так же, как не способны изменить экономику в стране разом, за одну ночь нефтяные миллиарды.

Нам нужны точки роста, дающие резкое увеличение качества образования. Нужен баланс между практико-ориентированным знанием и фундаментальными науками и исследованиями. Кстати, сегодня мы иной раз начинаем слишком увлекаться ориентацией только на рынок труда, забывая, что рынок переменчив, а настоящий специалист готовится на десятки лет.

Баланс между практически ориентированным знанием и теорией, думается, можно найти, следуя сценарию "полезного знания" (usefull knowledge). Каждый вуз должен хорошо представлять себе тот рынок труда, те ниши, те карьерно-профессиональные траектории, куда может реально вписаться выпускник N-ского университета. Соответственно, его общие профессиональные дисциплины должны быть своеобразно заострены под эти потенциальные опции.

При этом нам важно избежать, условно назовем, "мелкотемья", то, чем грешат многие вузы, судя по их программам. Под "мелкотемьем" я понимаю те исследовательские, образовательные сюжеты, которые уже давно выработаны, но остаются в программах и учебных планах только потому, что есть некий профессор, который из года в год читает наработанный курс и не хочет его оставлять.

"Полезное знание" предполагает максимальное умение адекватного анализа конкретных ситуаций с помощью того богатейшего теоретического багажа, который получают наши студенты. Уже в рамках образовательного процесса мы должны учить ребят работать по системе case-studie, или, как говорят юристы, "казусов".

Когда-то это было достаточно популярно в отечественных общественных науках - философии, юриспруденции. Потом мы эту школу потеряли. Потихоньку она стала возвращаться в экономические дисциплины, в международные исследования, думаю, что и в других профессиях эта методика не лишняя. В любом случае студент должен почувствовать вкус к практическому исследованию.

Другая важнейшая задача распространение университетом своих программ послевузовского образования. Отдав в 90-е годы значительную часть функций профессиональной переподготовки в руки частных структур, вузы многое потеряли, и сегодня, в рамках концепции непрерывного образования. Нам необходимо вернуть эти функции в свои стены. Непрерывное образование (long life learning) - это множество самостоятельных, но связанных единой логикой модулей, которые сопровождают человека в течение всей жизни, отвечая его профессиональным и личным потребностям, обеспечивая долгосрочную лояльность вузу.

Современный университет немислим без науки. Не случайно в Болонской декларации специально подчеркивается, что образование должно основываться на научных исследованиях. Это значит, что в вузах должен быть создан механизм максимально быстрого внедрения инновационных научных разработок в учебный процесс.

Инновационность российских вузов, несомненно, одна из важнейших задач. В то же время

повальное увлечение модными "концептами" приводит к тому, что одни и те же вузы, в зависимости от настроения руководства или получаемых грантов, становятся инновационным вузом сегодня, корпоративным вузом завтра, а потом выдвигают "миссию" исследовательского университета. Вообще, инновационность вуза порой толкуется крайне узко.

Инновацию следует понимать как уникальные и постоянно обновляемые знания и навыки обучающихся и обучаемых.

В настоящий момент инновации в образовании в техническом плане опираются прежде всего на цифровые технологии, под которыми мы должны понимать не примитивную интернетизацию и компьютеризацию, а создание интерактивного учебного процесса. Его составной частью должно стать развитие дистантного образования, как важного вспомогательного инструмента, наличие постоянно обновляемого и широкодоступного банка данных (цифровой библиотеки) локальных научных и учебных ресурсов, совместимость этого банка с глобальной информационной средой.

С обеспечением научного потенциала вуза связано и развитие института аспирантуры. К сожалению, нередко складывается ситуация, когда аспиранты находятся практически на обочине как образовательной, так и научной жизни университета. Для исправления этого необходима серьезная работа. Одной из форм ее могло бы также стать развитие двойных аспирантур с ведущими зарубежными вузами - с модульно-стажировочной программой обучения "и здесь, и там", а в перспективе, по мере адаптации российской нормативной системы к требованиям Болонской декларации, и с единой защитой диссертации, признаваемой и в России, и в стране-партнере.

Любая потенциальная образовательная стратегия сейчас требует учета фактора интернационализации, "международности" образования. Современный университет-лидер не может ставить перед собой исключительно национальные задачи. Без интернациональных амбиций университет на мировом рынке никому не интересен.

В условиях открытого международного рынка образовательных услуг важной задачей является выход на такое качество образовательных услуг, которое сделало бы их привлекательными для как можно большего числа наших молодых сограждан, а также зарубежных студентов, причем не только из СНГ и стран Востока, но и из развитых стран Запада. Сейчас же ситуация такова, что из ведущих стран мира - наших партнеров по "большой восьмерке" в Россию приезжают учиться преимущественно страноведы-русисты. Для них стажировки и учеба в России необходимы как элемент профессионального совершенствования, и они будут приезжать к нам вне зависимости от состояния образования у нас. Однако обучение только лишь русской истории и литературе - это слишком узкая ниша для страны, претендующей на глобальное лидерство и ответственность.

Необходимый шаг на пути к этому - понятная и признаваемая за рубежом структура высшего образования. Хотим мы этого или нет, но все ведущие страны мира перешли на двухступенчатую систему высшего образования - бакалавриат и магистратуру. Наше одноступенчатое пятилетнее высшее образование с дипломом специалиста, каким бы хорошим оно ни было, просто не отвечает глобальным стандартам. За таким дипломом на пять лет в Россию из ведущих стран мира никто не поедет по формально-юридическим соображениям.

В этой связи приоритетом высшей школы должно стать развитие магистерских программ.

Многие ведущие вузы России уже накопили в этой сфере определенный опыт, который необходимо развивать и дальше.

Как показывает опыт нашего университета, наиболее перспективными являются международные магистратуры, создаваемые в сотрудничестве с ведущими зарубежными вузами, на основе двусторонних и многосторонних образовательных "консорциумов".

Они позволяют студентам получить реальное представление об образовательных курсах и методиках разных стран, пройти необходимые стажировки в зарубежных вузах да и просто расширить свой кругозор. Система двойных дипломов, которая внедряется в международных магистратурах, облегчает эту задачу.

Существующие опасения, что на качество таких программ повлияют жесткие требования Болонского процесса, на самом деле беспочвенны. Стандарты Болонского процесса - не прокрустово ложе, они позволяют обеспечить мягкое вхождение в европейскую систему, сохраняя собственные традиции.

Кстати, говоря о Болонье, я бы хотел подчеркнуть, что в отличие от многих других европейских инициатив, где Россия, что-то или кого-то догоняет, в образовательной сфере мы идем "в ногу", а зачастую опережаем известные зарубежные вузы в своей лояльности упомянутой декларации. Если же говорить серьезно, то у нас есть реальный шанс стать полноценным "архитектором" новой, усовершенствованной системы образования в Европе.

В целом "международность" вуза - важнейшая часть стратегии устойчивого и опережающего развития высшей школы. Думается, можно выделить несколько обязательных критериев такого вуза. Во-первых, это вуз, в котором учатся студенты из разных стран (по болонским критериям это не менее 20% от общего числа учащихся). Во-вторых, это вуз, учебные продукты которого соответствуют международным нормам и стандартам. В-третьих, это вуз, в котором преподают не только свои профессора, но и профессура зарубежных университетов. В-четвертых, студенты и преподаватели такого вуза регулярно проходят практику и повышение квалификации в других странах. В-пятых, такой вуз не только воспринимает передовой научный и образовательный опыт, но и сам участвует в выработке международных стандартов и правил в области образования. Последний пункт особенно важен: университет такого класса способен самостоятельно формулировать стандарты качества и их нормативное оформление.

Статистики "международности" российских вузов не существует, но, думаю, создание такого рейтинга могло бы стать любопытным делом.

"Международность" помимо качественного образования предполагает толерантность социальной и учебной среды для студентов-иностранцев. Наверное, здесь требуются совместные усилия вузов, правоохранительных органов и общественных организаций в деле воспитания уважения к другим народам. Затраты на интернационализацию вузов, как бы высоки они ни были на начальном этапе, позднее окупаются сторицей. Это и непосредственные финансовые поступления, и позиционирование на мировом образовательном рынке, и доступ к зарубежному опыту, в том числе в вопросах университетского менеджмента. Интересным представляется опыт Свободного университета Берлина, где существует практика постоянно действующего Иностранного академического совета.

Члены этого совета, в том числе ректор МГИМО, дают свои предложения по поводу развития вуза-партнера, а с другой стороны, сами подпитываются идеями, рожденными в стенах этого учебного заведения. Думаю, что подобный опыт, кстати, финансово малозатратный, мог бы прижиться и в России. Более приземленная, прикладная система совместного управления общим проектом (магистратурой) уже двенадцать лет существует с Парижским институтом политических наук. Следует признать, что зачастую знакомство с зарубежной "университетской бюрократией" помогает лучше понять стратегические планы и поведения наших партнеров.

Фактор "международности" вуза всегда имеет и политическое измерение. Привлекая иностранных студентов в Россию, мы способствуем формированию будущей элиты соответствующих стран, которая знает Россию, открыта для дальнейшего сотрудничества. В этом смысле для нас особенно важно пространство СНГ, совместные программы с этими странами.

Открытость международного образовательного пространства, необходимость серьезной ресурсной поддержки инновационных образовательных программ содержат в себе ряд существенных угроз единой образовательной системе страны. Те вузы России, которым по объективным географическим, "брендовым" и финансовым обстоятельствам будет труднее вписаться в глобальный рынок образования, рискуют оказаться на обочине процесса и отстать от ведущих вузов страны уже не в разы, а в десятки раз. Для избежания этого гражданским долгом ведущих вузов страны должно стать формирование межрегиональных университетских сетей по наиболее важным дисциплинам. В рамках этих сетей можно развивать эффективный академический обмен как студентов, так и преподавателей, обеспечивать модульные программы и стажировки в ведущем вузе для всех участников общенациональной сети. Ведь очевидно, что пресловутая академическая мобильность должна осуществляться не только между Россией и странами, подписавшими Болонскую декларацию, но и внутри самой России. Именно здесь поддержка государства может стать особенно востребованной.

Очевидно, что сегодня российское высшее образование находится на переломном этапе своего развития. При этом важно, что мы не пытаемся замыкаться в своих проблемах. Известно, что в качестве одного из трех приоритетов повестки Петербургского саммита "большой восьмерки" В.В. Путиным поставлен вопрос об образовании. Этот факт подчеркивает, что на образовательном сообществе лежит ответственность по формированию интеллектуальных и моральных ориентиров будущего мирового развития, стратегической привлекательности и конкурентоспособности России.